

УДК 811.161.1+811.161.2:367

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Козак Р.В., к. филол. н., доцент

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко

В статье акцентируется на необходимости когнитивно-дискурсивной парадигмы, обусловленной естественным интересом ученых к основам процесса освоения реальности, переработки и передачи информации с целью влияния на сознание человека. Сфера действия экспрессивного синтаксиса в коммуникативно автономных синтаксических единицах ограничивается внутренними рамками предложения. В дискурсивно связанном высказывании экспрессивный синтаксис направлен во внешнее значение предложения. Как когнитивно-дискурсивное явление экспрессивный синтаксис появляется и продуцируется по диалектическому закону единства и борьбы противоположностей – имплицитному и эксплицитному. Такой синкретизм является отображением противоречия между формой синтаксической единицы и ее смыслом.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная парадигма, экспрессивный синтаксис (ЭС), антропоцентрический подход, системно-языковое явление, имплицитный, эксплицитный.

У статті зроблено акцент на необхідності когнітивно-дискурсивної парадигми, зумовленої природним інтересом учених до основ процесу засвоєння реальності, переосмислення й передавання інформації з метою впливу на свідомість людини. Сфера дії експресивного синтаксису в комунікативно автономних синтаксичних одиницях обмежується внутрішніми чинниками речення. У дискурсивно зв'язаному висловлюванні експресивний синтаксис спрямований на зовнішнє значення речення. Як когнітивно-дискурсивне явище експресивний синтаксис з'являється і продукується за діалектичним законом єдності й боротьби протилежностей – імпліцитним і експліцитним. Такий синкретизм є відтворенням суперечності між формою синтаксичної одиниці та її смислом.

Ключові слова: когнітивно-дискурсивна парадигма, експресивний синтаксис (ЕС), антропоцентричний підхід, системно-мовне явище, імпліцитний, експліцитний.

Kozak R.V. EXPRESSIVE SYNTAX AS A COGNITIVE AND DISCOURSE PHENOMENON (CASE STUDY OF THE UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

In the article it is accentuated on the need cognitively-diskursnoy for the paradigm, caused by the natural interest of scientists in the bases of the process of the mastery of reality, processing and peredavaniya of information for the purpose of influence on the consciousness of man. Sphere of influence ES in the communicatively autonomous syntactic units is limited to the internal framework of proposal. To diskursno connected statement ES it is directed into the external value of proposal. As cognitively-diskursnoe phenomenon ES appears and is produced according to the dialectical law of the unity and conflict of opposites – of implicit and explicit. This syncretism is mapping contradiction between the form of syntactic unit and its sense.

Key words: cognitive-discursive paradigm, expressive syntax, anthropocentric approach, system-linguistic phenomenon, implicit, explicit.

Постановка проблемы. Современная лингвистика изучает конструкции экспрессивного синтаксиса (далее – КЭС) не только на формально-синтаксическом, семантико-синтаксическом, коммуникативном уровнях, но и на когнитивно-дискурсивном. Это позволяет и комплексное описание КЭС, и исследования в связи с переориентацией науки о языке с внутреннего устройства языковой структуры на выявление тех признаков, каким образом язык выражает отношения, существующие в действительности, включая человеческий, личностный фактор. Антропоцентрическая парадигма на первое место выдвигает человека и его язык, поэтому в центре любого лингвокультурологического исследования находится человек как создатель и носитель

языка, следовательно, можно утверждать, что в центре оказывается человек с национальным языком и этнической культурой. Интересным в этом плане представляется исследование восточнославянских языков, носители которых имеют много сходств и не меньше различий. Каждый конкретный язык восточнославянского языкового пространства (украинский, русский, белорусский) представляет собой самобытную систему, накладывающую свой национальный отпечаток на сознание его носителей и формирующую их языковую картину мира. Для лингвистических исследований последнего времени, как и для всей гуманитарной науки, характерен переход от рассмотрения довольно простых, изолированных объектов исследования к более

сложным и иерархически организованным. Центральным понятием концепции человека становится понятие картины мира. Картина мира, отображающая культурное познание, как отмечают специалисты в области психосемантики, «представляет собой сложное, многоуровневое образование, которое вбирает в себя и сознаваемые, и несознаваемые пласты познания», характеризуется не только разноразноуровневостью построения и различной степенью осознанности ее составляющих, но и разной степенью их адекватности бытию [7]. При изучении закрепленного в определенном языке описания мира одним из направлений исследования является рассмотрение закономерностей организации действительности, предпочитаемых данным языком, как самим его строем, так и национально-культурным сознанием его носителей. Рациональное и субъективное в аспекте человеческого языка неразрывно связано с явлением экспрессивности, характерной для процесса речетворчества.

Анализ последних исследований и публикаций. Методологической основой исследования являются лингвистические труды по вопросам синтаксической экспрессивности дискурса в когнитивно-дискурсивной парадигме, а также по анализу проблем порождения, функционирования, восприятия экспрессивности дискурса с учетом антропоцентрической направленности лингвистической науки. Среди них особенно важны для нас работы, авторами которых являются отечественные и зарубежные лингвисты: Н. Арутюнова, Н. Бахтин, И. Бехта, Э. Бенвенист, А. Вежбицкая, Т. ван Дейк, В. Демянков, С. Жаботинская, В. Карасик, Ю. Караулов, М. Полюжин, Г. Почепцов, Е. Селиванова, Дж. Серль, И. Шевченко, Е. Шейгал, Д. Шифрин и др.

Постановка задачи. Исходя из этого, целью исследования является необходимость доказать, что каждый язык характеризуется экспрессивными синтаксическими средствами, которые формируются на когнитивно-дискурсивном уровне. Достижению цели способствует решение следующих задач: определение методологической основы исследования; обоснование необходимости описания когнитивных особенностей экспрессивного синтаксиса; анализ КЭС, функционирующих в дискурсах украинского и русского языков.

Изложение основного материала исследования. В системе революционного пово-

рота внимания гуманитариев к человеку и развитию антропоцентрического подхода к изучению языка и речи стремительное развитие в украинском и русском языкознании получили исследования⁷ в которых человеческий фактор занимает доминантную позицию: ведущими стали проблемы выявления закономерностей лингвосемиотического освоения человеком окружающего материального мира и информационного пространства, стратегического строения коммуникации для реализации человеческих нужд, структурирования необходимой для коммуникантов среды. Необходимость когнитивно-дискурсивной парадигмы обусловлена естественным повышением интереса ученых к когнитивным основам процесса освоения реальности, процессам переработки и транспортировки информации с целью влияния на человеческое сознание, формирования языковой личности, а также тем, как созданные ею в коммуникативных системах информационные потоки преобразуются в сложный системный продукт – дискурс.

Из многообразия дефиниций дискурса мы используем наиболее подходящее для нашей темы определение: «*Дискурс* (от фр. discours – речь, с лат. discursus – блуждать, разветвление, разрастание, круговорот) – 1) связанный текст в контексте многочисленных сопутствующих фоновых составляющих – онтологических, социокультурных, психологических и др.; текст, заглубленный в жизнь; 2) замкнутая целостная ситуация (действие), составными которой являются коммуниканты и текст как знаковый посредник, обусловленная разнообразными факторами, выполняющими роль посредника общения и понимания (социальными, культурными, этническими др.); 3) стиль, подъязык речевого общения; 4) образец речевого поведения в определенной социальной сфере, имеющий определенный набор переменных» [8, с. 120–121].

Одно умение находить «свои», выразительные и эмоциональные слова еще не делает дискурс живым, если человек не владеет секретами экспрессивного синтаксиса. Ведь слова надо уметь расставить, выстроить из них такие предложения, которые позволяли бы использовать разнообразные интонации, выделить какие-то части высказывания восклицаниями, подчеркнуть логическими ударениями, наконец, умело расставить паузы, чтобы достичь определенной цели. На письме для этого служат знаки препинания, а в устной речи – эмфатическая интонация (от

греч. эмфазис – указание, выразительность). Однако и то и другое определяется синтаксическими особенностями высказывания, что считаем основным в дискурсе. Ведь синтаксис обладает огромными выразительными возможностями, позволяющими реализовать прагматические задачи высказывания.

На современном этапе развития лингвистического знания о речевом воздействии и прагматической направленности высказывания актуальность исследования категории экспрессивного синтаксиса (далее – ЭС) обуславливается её исключительной значимостью как в процессе организации письменного, так и в процессе построения устного дискурса. Считаем, что с помощью категории ЭС реализуется одна из основных коммуникативных задач дискурса – воздействие на мысли адресата при интерпретации высказывания говорящего. Именно ЭС «содействует цели речевого сообщения, обеспечивая воздействие текста на реципиента» [6, с. 185]; именно ЭС определяет потенциальную возможность любого дискурса оказывать некое воздействие на сознание и поведение того или иного получателя информации. Однако стоит заметить, что вопрос об уточнении лингвистической сущности ЭС и сопряжённых с ним понятий в украинском и русском языкознании связан с некоторыми сложностями в связи с абстрактной сущностью рассматриваемых явлений, что также в определённой мере усугубляется «издержками» метаязыка лингвистики.

В современной украинской и русской лингвистической литературе представлены разнообразные исследования, в которых изучение экспрессивности ведётся с различных позиций и в рамках одновременно нескольких теорий, что может быть объяснено многогранностью и сложностью данного явления. В результате анализа теоретических работ, посвящённых интересующему нас вопросу, представляется возможным сделать вывод о том, что явление экспрессии можно трактовать исходя из принципиального различия функционального (речевого) и системно-структурного аспектов языка. Так, в первом случае экспрессивность приравнивается к выразительности и рассматривается как свойство речи, являясь функциональной категорией, проявляющей себя в коммуникативном акте, конструктивным приёмом, повышающим выразительные возможности дискурса [3, с. 90; 10, с. 78]. Во втором случае экспрессивность оценивается как языковое явление, семантический при-

знак слова. Таким образом, вопрос сводится к выделению языковой и речевой экспрессии. С этой точки зрения справедливым представляется замечание Л. Кругликовой о том, что «термин «экспрессивность речи» шире, чем термин «экспрессивность языковых средств», так как экспрессивность речи ... проявляется в результате использования средств языка, входящих во все области языковой структуры» [4, с. 52–53]. Очевидно, что языковая экспрессия, будучи обусловленной экспрессивной функцией языка, находит своё реальное выражение в дискурсе. Исходя из вышесказанного, считаем справедливыми высказывания о некой потенциальности синтаксических экспрессивных единиц и о первостепенности речевой экспрессии.

Признавая многогранность экспрессивности, стоит отметить, что градация этой категории не заканчивается выделением её речевой и языковой разновидностей, но и на данном этапе предполагает двоякую трактовку – в узком и широком понимании. Так, в узком смысле экспрессивность определяется как увеличение степени проявления признака референта [12], а также усиление качества или количества сигнала [9] и противостоит совокупности нейтральных средств [5]. Слова и фразеологизмы, наделённые экспрессивными свойствами, легко обнаруживаются при сопоставлении с их нейтральными эквивалентами, но выявляют свою сущность в предложении. Экспрессивность в широком понимании есть не что иное, как «выразительность, то воздействие, которое оказывают на чувственную сферу человека некоторые языковые единицы» [4, с. 55].

Опираясь на результаты анализа теоретических исследований по теме, считаем правомочным признать именно КЭС основной составляющей категории экспрессивности. Наша интерпретация основывается на том, что экспрессивность «в общем случае есть усиление качества или количества сигнала» [9, с. 122].

Однако, принимая во внимание вышесказанное о лингвистической природе категории экспрессивности, необходимо, на наш взгляд, избежать неупорядоченности в представлениях о КЭС, поскольку нет на сегодняшний день ни в украинском, ни русском языкознании работ, в которых были чётко перечислены и описаны рассматриваемые нами экспрессивные синтаксические единицы.

Разграничение экспрессивных и неэкспрессивных синтаксических единиц оправ-

дано проводиться на основани наявності компонента інтенсивності і образності: якщо відбувається інтенсифікація оцінки або в дійство вступає елемент образності, то оцінці обов'язково підключається емоція і висловлювання стає експресивним [11, с. 120; 13, с. 114; 14, с. 7]. Відносно речової емоціональної оцінки можна передположити, що така різновидність завжди експресивна. Подібний ефект також досягається за рахунок категорії образності і того, що «в плані означуваного особливо важливі рідкі слова і слова, виступаючі в неординарних поєднаннях» [1, с. 182].

Відомо, що ЕС також тісно пов'язаний з категорією модальності, а категорія модальності безпосередньо пов'язана з прагматичною орієнтованістю всього висловлювання, впливаючої на структуру дискурсу і вибір лінгвістических засобів його побудови. В деяких роботах дані поняття отождествляються, що представляється неправданним. Внаслідок цього, пропонуємо розглядати споріднені поняття диференційовано. Під прагматическим аспектом дискурсу ми розуміємо його «функціональну спрямованість, тобто орієнтацію на виконання якоїсь певної наперед визначеної мети спілкування» [2, с. 16]. Хоча в лінгвістическій до сьогодення немає загальноприйнятої точки зору по багатьох питаннях розуміння категорії модальності, багато дослідників єдинодушно визнають існування об'єктивної (онтологіческої) модальності, відносячої повідомлення до плану дійсності/недійсності, і суб'єктивної (персуазивної), проявляючої суб'єктивно-оцінювальне ставлення мовлячого. При цьому підкріплюється той факт, що суб'єктивна модальність набуває на об'єктивне зміст мовних одиниць. Виходячи з розуміння модальності, при якому враховується суб'єктивно-оцінювальний ознак, під модальною функцією мовних одиниць, підтримуванеских стилістическими прийомами, цілеспрямовано розглядати роль мовних засобів в реалізації концепції автора, такими і є ЕС.

Серед ЕС, функціонуючих в українському і російському мовах і забезпечуючих реалізацію цілей висловлювання в дискурсі, ми виділяємо, передусім, *парантезу, еліпсис, парцеляцію, повтори, риторическі питання і вигукання, умовчання, присоединительні конструкції, сегменти*. Розглянемо деякі з перерахованих конструкцій ЕС.

Як ми вже підкріплювали вище, враховуючи той факт, що сучасна лінгвістика формується в цілому як антропологіческа, а дослідження лінгвістических процесів передполагає врахування мовної особистості, ми розглядаємо *парантезическі конструкції* в українському і російському мовах як втілення об'єктивної і суб'єктивної модальності на когнітивно-дискурсивному рівні і вважаємо, що такі конструкції є, передусім, засобом вираження об'єктивної модальності, втіленою в дискурсивно-інформаційному плані, виражають ставлення до певного дійства, ситуації, розглядаємої в основному реченні. В залежності від співвідношення експресивної парантези з когнітивно-дискурсивним планом, виділяємо два способи об'єктивної модальної координації: а) експліцитну; б) імпліцитну. Парантезическі конструкції як структури ЕС можуть виражати і суб'єктивну модальність, якщо мовлячий висловлює оцінку повідомляемого. Такі конструкції розділяємо наступним чином: а) парантези раціональної оцінки і б) парантези експресивної оцінки. Наприклад: *За цей час я встигла намалювати купу картинок, написати книжку сумних віршів, позити чотири місяці в селі (більше діваюся не було куди – квартира «закінчилася») із батьками та бабусею чоловіка, яких я любила (і завжди любитиму – Царство їм Небесне!) і які любили мене (Ірен Роздобудько) // І взагалі веселий (тобто мажорний) і класний (тобто помітний) чувак. С почуттям юмора, і все таке. Так сказав мій брат. Тому що коли його горбатий «Запорожець» (або як брат його називає «Запор») відмовився їхати в зовсім невелику горілку, що є на Пушкінській, то негр вийшов і весь, як був, в білому – став горбатий «Запорожець» мого брата в горілку толкати (Татьяна Соломатина).*

Одною з особливих модальних функцій парантези на когнітивно-дискурсивному рівні є можливість створення двох паралельних речових планів, причому другим речовим планом дається можливість відобразити національну специфіку експресивності дискурсу, передати почуття мовлячого, його реакцію на дійсність, відкрити багатий внутрішній світ, складності взаємостосунків. В функціонуванні парантезических конструкцій в українському і російському мовах проявляються системні особливості дискурсу.

Еллипсис как конструкция ЭС в украинском и русском языках – пропуск в предложении слова, которое легко подразумевается из контекста: *Стояла лагідна, тиха погода... І раптом грім... Чому раптом грім? ... звідки?... (Олег Черногуз) // Какой-то странный страх в горле. И даже под коленками страх. На велосипеде с горки не так страшно (Татьяна Соломатина). Сознательный пропуск сказуемого в таких предложениях создает особый динамизм речи, так что «восстановление» пропущенных глаголов было бы неоправданным.*

Особая конструкция ЭС в украинском и русском языках – *умолчание*, т. е. сознательная незавершенность предложения, недоговоренность. Например: *Він ніколи собі так не дозволив би висловлюватися... Особливо при дамах... дуже вродливих дамах... Просто дуже... Які коштували мені великих грошей... якщо навіть... Ну, якщо навіть на Кудрика дихатимуть і почнуть його пудрити... Я наказав пудрити знизу... Від самих... (Олег Черногуз) // Я вообще-то не очень люблю рестораны. А вы любите китайскую лапшу? Это моя любимая! А ещё... (Татьяна Устинова).*

Говорящий как бы дает возможность слушателю задуматься и самому продолжить мысль. Умолчание раскрывает широкий простор для подтекста: на месте паузы можно предположить различный комментарий. В эмфатической речи используются приемы, нарушающие замкнутость предложения; речь становится прерывистой, незавершенной.

Широко используются в экспрессивном синтаксисе в украинском и русском языках *присоединительные конструкции*, воспроизводящие устную речь в ее живой непосредственности. Под присоединением понимается добавление к основному высказыванию дополнительных сообщений, пояснений, уточнений, возникающих в сознании не одновременно с основной мыслью, а лишь после того, как она сформировалась. Например: *Калина якраз є: вчора, слава Богу, від застуди гарну гілочку в бабці на ринку придбала. Всі ягідки – круглі, цілі. І такі пурпурово-прозорі, що аж у роті кисло стає, як подивився (Ірен Роздобудько) // Со мной у тебе стільки проблем!... Я пиво пью. Курю еще (Татьяна Устинова).*

Особая экспрессивность в украинском и русском языках присуща *парцелляциям*, понимаемой как членение предложения, при котором содержание высказывания реализу-

ется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы (после точки, вопросительного или восклицательного знака). Например: – *Я тебе дуже люблю... Душею, серцем... Я говорити гарних слів не вмю. Коли люблять, не говорять про кохання. Тоді просто відчують його. Усіма фібрами душі і серця, – шепотів і собі Миронович (Олег Черногуз) // – Хочешь, вечером в ресторан пойдём, а? – предложил Степан. Чувство вины требовало какого-то выхода. – В какой-нибудь ... итальянский. Где макароны подают (Татьяна Устинова).*

Одним из компонентов, участвующих в экспрессивном насыщении парцеллированных конструкций, является специфическая интонация, то есть такое ритмомелодическое оформление высказывания, которое способствует не только смысловой, но и экспрессивной актуализации отдельных компонентов. В такой конструкции пауза обозначает переход от менее значимой части высказывания к более значимой, при этом наиболее важный компонент оказывается выделенным в дискурсе не только позиционно, но и интонационно. Ритмомелодическое оформление парцеллированных конструкций (паузы, логическое ударение) подчеркивает естественность речевого членения дискурса, создает динамичность повествования, повышает его убедительность, раскрывает национальную специфику.

Активно функционируют в дискурсах в украинском и русском языках экспрессивные *сегментированные конструкции*, или конструкции с двойным обозначением, состоящие из двух частей: первая часть (сегмент, то есть отрезок), находящаяся в начале предложения или текста и выраженная, как правило, именительным падежом существительного или словосочетанием во главе с этой формой, называет лицо или предмет, которые во второй части (в последующем тексте) получают второе обозначение в форме местоимения. Например: *Хмари... Клуби хмар падали на землю... Просто з неба... Не знаю, чи вони сміялися, чи вони просто реготали. Але хмари від сміху заповзали під куці... Заповзали, бо їм не було місця на небі. Вони не знали, куди їм від того сорому подітися... (Олег Черногуз) // Борька! О его существовании Люда узнала, едва сделав в жизни первые шаги. Если кто и бессмертен на свете, то это он. Каждый год Борька воплощается наново, бледный и нежный, как молодой месяц, и растёт, и*

пухнет, и заполняет к осени весь свой сарай (Олег Зайончковский).

Как показывают приведенные примеры, сегмент может образовать самостоятельное предложение, может входить в состав последующего предложения, но и в этом случае высказывание членится на две части, которые разделяются паузой, что создает экспрессивность речи.

Чтобы проиллюстрировать экспрессивность приема сегментации, проведем небольшой эксперимент, сопоставив три варианта одного и того же по содержанию предложения: *Хто такі націоналісти?; Хто вони, націоналісти?; Націоналісти. Хто вони?// Кто такие националисты?; Кто они, националисты?; Националисты. Кто они?* Нетрудно увидеть, что наибольшей выразительностью обладает последний вариант: высказывание, расчлененное на две части с разделительной паузой между ними, легче и доходчивее воспринимается по этим частям, чем целиком. Анализ таких конструкций подтверждает, что, кроме функции логико-семантического подчеркивания, сегментированные конструкции выполняют функцию создания экспрессии. Большое значение при этом имеет своеобразное интонационное и ритмомелодическое оформление сегментированных конструкций. Самостоятельное логическое ударение, возникающее в сегменте, выполняя свою основную – выделительную – функцию, в зависимости от контекста и ситуации, приобретает и эмоциональное, и психологическое значение для носителя языка.

Выводы из проведенного исследования.

Таким образом, можем утверждать, что любые процессы экспрессивного синтаксиса и в украинском, и в русском языках так или иначе связаны с антропогенной активностью, потому что они являются результатом образно-ассоциативного и прагматического мышления человека, одним из выявлений которого есть аналогии между концептуальной сущностью в мегаконцепте ЧЕЛОВЕК. Конструкции экспрессивного синтаксиса, выступая инструментом познания человеком украинской или русской действительности и воплощения мировосприятия человека, становятся неизменным доказательством того, что они – когнитивно-дискурсивное явление. Перспективой дальнейших исследований может стать полный анализ когнитивно-дискурсивной

парадигмы каждой из конструкций экспрессивного синтаксиса украинского и русского языков, что будет основой для их комплексного и сравнительного описания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык: [учебник для вузов]* / И.В. Арнольд. – М.: Наука, 2004. – 383 с.
2. Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования* / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
3. Горделий З.П. *Параметры описания текстовой модальности* / З.П. Горделий. – М.: Издательство МГПИ иностранных языков имени Мориса Тореза, 1990. – Вып. 365. – С. 86–93.
4. Кругликова Л.Е. *Структура лексического и фразеологического значения* / Л.Е. Кругликова. – М.: Издательство МГПИ, 1988. – 83 с.
5. Майданова Л.М. *Очерки по практической стилистике* / Л.М. Майданова. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. – 182 с.
6. Маслова В.А. *Некоторые онтологические аспекты эмотивности текста. Язык и эмоции: сб. науч. тр.* / В.А. Маслова. – Волгоград: Изд-во Перемена, 1995. – С. 184–191.
7. Петренко В.Ф. *Анализ динамики общественного сознания* / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. – Смоленск: Изд-во СПИ, 1997. – 320 с.
8. Селіванова О.О. *Лінгвістична енциклопедія* / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2011. – 844 с.
9. Телия В.Н. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц* / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
10. Филонова Ю.Ю. *Когнитивные и прагмалингвистические особенности опосредованных деловых переговоров на морском транспорте (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Общее языкознание, социолінгвістика, психолінгвістика»* / Ю.Ю. Филонова. – Краснодар: Краснодарский гос. ун-т, 1998. – 214 с.
11. Хантакова В.И. *Синонимия эмоционально-экспрессивных предложений оценочной семантики* / В.И. Хантакова // *Проблемы лингвистического анализа текста: коммуникативно-прагматический аспект.* – Иркутск: Издательство Иркутского государственного педагогического института иностранных языков им. Хо Ши Мина, 1990. – С. 120–125.
12. Шаховский В.И. *Экспрессивность и оценка – компоненты детонации: образные и экспрессивные средства языка* / В.И. Шаховский. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный педагогический университет, 1986. – 354 с.
13. Ягубова М.А. *Основные проблемы исследования оценки* / М.А. Ягубова // *Филология.* – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1996. – С. 110–117.
14. Якушина Р.М. *Динамические параметры оценки: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык»* / Р.М. Якушина. – Уфа, 2003. – 24 с.